

УДК 343.61

Филиппова Светлана Валерьевна

помощник прокурора,
Московский метрополитен города Москвы
filipovasv2019@mail.ru

Svetlana V. Filippova

assistant prosecutor of the Moscow metro of the city of Moscow
filipovasv2019@mail.ru

**Разграничение склонения к совершению самоубийства
и доведения до него (статьи 110¹ и 110 УК РФ)**

**Distinction between inducement to commit suicide
and causing to it (articles 110¹ and 110 of the criminal code)**

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу разграничения смежных составов преступлений: склонения к самоубийству и доведения до него. В результате сравнительного анализа установлено, что традиционный подход, согласно которому деяния отличаются способами их совершения, не соответствует положениям уголовного закона и потребностям правоприменительной практики. Вместо этого предлагается при отграничении склонения к самоубийству от доведения до него руководствоваться направленностью действий виновного и их внешним проявлением.*

***Ключевые слова:** склонение к самоубийству, доведение до самоубийства, суицид, право на жизнь, охрана жизни, подстрекательство, лишение жизни, причинение смерти, усеченный состав.*

***Annotation.** The article is devoted to the issue of differentiation of related crimes: inducement to suicide and causing to it. From the comparative analysis it follows that the traditional approach, according to which the acts differ in the ways they are committed, does not correspond to the provisions of the criminal law and the needs of law enforcement. Instead, it is proposed to delimit the inclination to suicide from causing to it to be guided by the direction of the actions of the guilty and their external manifestation.*

***Key words:** inducement to suicide, causing to suicide, suicide, the right to life, the protection of the life, abetting, and deprivation of life, causing death, a truncated part.*

В целях дополнительной уголовно-правовой защиты жизни человека Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) была введена статья 110¹, криминализовавшая склонение к совершению самоубийства. Уголовно-правовая оценка этого посягательства напрямую связана с вопросом его отграничения от доведения до самоубийства (статья 110 УК РФ). Дело в том, что рассматриваемые составы пре-

ступлений являются смежными, поскольку и тот, и другой предусматривают ответственность за совершение действий, инспирирующих самоубийство, то есть побуждающих человека к его совершению. Полагаем, что их разграничение способствует выявлению характерных черт склонения к самоубийству, а также решению многих других вопросов, связанных с трудностями толкования и применения уголовно-правовой нормы, закрепленной в статье 110¹ УК РФ.

1. На первый взгляд, очевидным отличием склонения к совершению самоубийства от доведения до него является объективный признак преступления – способ его совершения. Так, склонение к самоубийству в соответствии с частью 1 статьи 110¹ УК РФ может быть совершено путем использования уговоров, подкупа, обмана или иного способа. В свою очередь, доведение до самоубийства опосредуется иными строго определенными в части 1 статьи 110 УК РФ способами, в частности угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства потерпевшего.

Специалисты, соотнося упомянутые признаки, не без оснований отмечают, что при доведении до самоубийства способами выступают различные виды физического и нефизического насилия, тогда как при склонении к самоубийству используются иные психологические приемы [1]. Действительно, доведение до самоубийства предполагает сугубо насильственное воздействие на личность, силовое подавление его воли, тогда как склонение осуществляется более сдержанными и неагрессивными методами. Однако нельзя забывать том, что перечень способов, закрепленных в части 1 статьи 110¹ УК РФ, является открытым, что не исключает возможность использования различных приемов физического и психологического прессинга не только в процессе доведения до самоубийства, но и при склонении к его совершению.

Несмотря на это обстоятельство, мнение о способах как об основном отличии склонения от доведения в науке уголовного права является превалирующим [2, 3]. Ученые при этом апеллируют к закрепленному в части 1 статьи 110¹ УК РФ негативному признаку объективной стороны состава, допускающему квалификацию склонения к совершению самоубийства лишь «при отсутствии признаков доведения до самоубийства». По их мнению, отсылочный характер упомянутой нормы проявляется в том, что склонение к самоубийству не может быть совершено способами, характеризующими доведение до самоубийства [4]. Показательно в этом отношении мнение А.Н. Попов, согласно которому, «если до самоубийства или покушения на самоубийство потерпевший был доведен путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, то виновному необходимо инкриминировать состав преступления, предусмотренный статьей 110 УК, а не статьей 110¹ УК» [5].

На наш взгляд, такой подход представляется достаточно спорным. Если принять рассматриваемую точку зрения, возникает абсурдная ситуация: предложение совершить самоубийство образует состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 110¹ УК РФ, в то время, как угрозы с требованием покончить с собой не влекут наступление уголовной ответственности. По логике авторов, в последнем случае наличие угроз, направленных на склонение суици-

дента к лишению себя жизни, исключает оценку содеянного по статье 110¹ УК РФ, так как указанный способ совершения преступления не охватывается объективной стороной склонения в силу его принадлежности к составу доведения до самоубийства. Однако анализируемое деяние не может быть квалифицировано и по статье 110 УК РФ, поскольку доведение до самоубийства предполагает создание для жертвы невыносимых условий, подавляющих желание продолжать жизнь и располагающих к совершению самоубийства, что в данном случае не наблюдается.

Противоречивость представленного подхода побуждает нас к поиску иных критериев разграничения. И, в первую очередь, обратим внимание на ошибочность ограничительного толкования негативного признака склонения к самоубийству и сведения его исключительно к способам совершения деяния. Способ – это лишь часть объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 110¹ УК РФ, тогда как содержание отсылки «при отсутствии признаков доведения до самоубийства» должно распространяться на все его элементы, в том числе на содержание деяния, его объективные характеристики и целевую направленность.

2. Непростой задачей представляется определение моментов окончания рассматриваемых преступлений. И если вопрос о конструкции состава доведения до самоубийства можно в целом назвать решенным, то дискуссия об объеме объективной стороны склонения к самоубийству находится на пике своего развития. Помимо относительной новизны статьи 110¹ УК РФ это обуславливается фактически назывным характером диспозиции уголовно-правовой нормы, ограничивающим возможности ее толкования.

Основной состав склонения к совершению самоубийства, закрепленный в части 1 статьи 110¹ УК РФ, предусматривает ответственность за совершение деяния, выражающегося в действии – склонении к совершению самоубийства. Сугубо активный характер склонения, исключающий возможность совершения посягательства бездействием, подтверждается лексическим значением самого слова «склонение», под которым понимается убеждение в необходимости совершения какого-либо поступка или принятия какого-либо решения [6]. При этом в части 4 статьи 110¹ УК РФ закреплен квалифицированный состав склонения, усиливающий ответственность виновного, если его действия по склонению повлекли самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего. Системный анализ указанных положений приводит к выводу, что часть 1 статьи 110¹ УК РФ не предусматривает наступление в результате склонения общественно опасных последствий.

Возникает вопрос, должно ли склонение выражаться в возникновении у потерпевшего суицидальных идей для признания рассматриваемого преступления оконченным? Думается, что нет. С учетом приведенного значения слова «склонение» и подхода, реализованного Верховным Судом Российской Федерации в пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», деяние, предусмотренное частью 1 статьи 110¹ УК РФ, следует считать оконченным с

момента совершения виновным действий, направленных на возбуждение у склоняемого желания совершить самоубийство, независимо от того, повлекло ли это появление у него суицидальных намерений. Другими словами, под склонением к самоубийству понимается исключительно процесс воздействия, но не его результат.

Таким образом, момент окончания склонения к совершению самоубийства связан с началом выполнения указанного в части 1 статьи 110¹ УК РФ деяния, что свидетельствует об усеченной конструкции основного состава преступления. Одновременно, частью 4 этой же статьи устанавливается ответственность за совершения квалифицированного состава, обладающего материальной конструкцией и предполагающего наступление общественно опасных последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство.

В справочной литературе справедливо отмечается, что понятие «доведение», в отличие от «склонения», обозначает не только действие, но и его результат [7]. Исходя из этого, объективная сторона доведения до самоубийства (часть 1 статьи 110 УК РФ) представляет собой синтез процесса воздействия на человека (как в форме действия, так и бездействия) с его конечным следствием – самоубийством или попыткой самоубийства. Г.Н. Борзенков по этому поводу замечает, что «одно лишь высказывание намерения покончить с собой, приготовление к самоубийству, составление предсмертной записки не образует еще состава преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ» [8]. Следовательно, состав доведения до самоубийства является материальным и признается оконченным с момента наступления одного из альтернативных общественно опасных последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что результативность деяний, направленных на инициацию суицидального поведения, не может служить критерием разграничения составов склонения к совершению самоубийства и доведения до него, поскольку статья 110¹ УК РФ признает уголовно-наказуемым не только безуспешное воздействие на потерпевшего, не повлекшее его самоубийство или покушение на самоубийство (часть 1), но и успешное, выразившееся в наступлении преступных последствий (часть 4), так же как это имеет место в составе доведения до самоубийства (часть 1 статьи 110 УК РФ).

3. Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о формах и видах вины в анализируемых составах преступлений. Известно, что во многих случаях внутреннее отношение виновного к совершаемому деянию, концентрированно выраженное в правовой категории вины, выступает подчас единственным критерием, позволяющим правоприменителю определиться с квалификацией содеянного. Наблюдаются ли отличия в субъективной стороне составов преступлений, предусмотренных статьей 110 и 110¹ УК РФ?

Обращаясь к субъективной составляющей склонения к совершению самоубийства, прежде всего, следует отметить, что форма и вид умысла применительно к части 1 статьи 110¹ УК РФ предопределяется формальной, более того, усеченной конструкцией состава преступления. Как справедливо отмечает А.И. Рарог, «в преступлениях с формальным составом признаком объективной

стороны, воплощающим общественную опасность деяния, во всех случаях является запрещенное законом действие или бездействие. Поэтому в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию)» [9]. Из этого следует, что вина при совершении преступлений с формальным составом может выражаться исключительно в виде прямого умысла.

Оговоримся, что в доктрине уголовного права предпринимались попытки обоснования возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом, однако все они оказывались неудачными в силу того, что вступали в противоречие с нормативным определением и психологической сущностью косвенного умысла [10; 11]. Для примера предположим, что анализируемое деяние будет совершено с косвенным умыслом в тех случаях, когда виновный сознательно допускает или безразлично относится к процессу склонения другого человека к самоубийству. Полагаем, что в этом случае признаки косвенного умысла отсутствуют, ведь процесс склонения, в действительности, является деянием, а не его последствием, и поэтому в субъективном отношении он всегда составляет предмет сознания, но никак не воли. Другими словами, при косвенном умысле сознательное допущение должно проецироваться на общественно опасные последствия, а не на какие-то иные объективные признаки и свойства деяния [9]. Иной подход неизбежно приводит к смешению волевого и интеллектуального моментов умысла, равно как деяния и его общественно опасных последствий.

Таким образом, основной состав склонения к совершению самоубийства, предусмотренный частью 1 статьи 110¹ УК РФ, как и квалифицированный состав, предусмотренный частью 3 этой же статьи, не предполагает никаких других разновидностей вины, кроме прямого умысла.

Помимо этого, обязательным элементом субъективной стороны указанных составов является преследуемая виновным цель – самоубийство потерпевшего. Несмотря на отсутствие прямого упоминания о цели в диспозиции уголовно-правовой нормы, такой вывод следует из грамматического толкования части 1 статьи 110¹ УК РФ, в частности, из лексического анализа глагола воздействия «склонение» и предлога «к», в совокупности выражающих директивную ориентацию на совершение чего-либо [12]. Следовательно, при совершении преступлений, предусмотренных частями 1 и 3 статьи 110¹ УК РФ, субъект осознает, что совершает действия, непосредственно направленные на то, чтобы склонить другого человека к самоубийству, и желает, чтобы потерпевший его совершил.

Наряду с формальными составами, статья 110 УК РФ в частях 4, 5 и 6 содержит составы с материальной конструкцией, предусматривающие ответственность за склонение к совершению самоубийства, повлекшее наступление общественно опасных последствий. Может ли субъективное отношение виновного к этим последствиям быть иным, нежели прямой умысел? Нам представляется, что нет; склонение к самоубийству, предусмотренное частями 4, 5 и 6 статьи 110¹ УК РФ, возможно лишь с прямым умыслом. В пользу этого говорит не только ранее упомянутая специальная цель в виде самоубийства потер-

певшего, достижение которой и обуславливает материальность указанных составов, но и критерий «заведомости» (в части 5 статьи 110¹ УК РФ), исключающий возможность неосознания виновным специальных признаков, относящихся к жертве преступления.

В подтверждение «монополии» прямого умысла в составах склонения к самоубийству, проведем аналогию с субъективной составляющей подстрекательства к преступлению. Считаем это обоснованным, поскольку законодательное описание состава склонения к самоубийству представляет собой калькирование конструкции подстрекательства к преступлению, что подтверждается перечислением идентичных способов совершения деяния, а также использованием термина «покушение», применяемого для характеристики неоконченного преступления. Вряд ли можно подвергнуть сомнению тот факт, что подстрекательство к преступлению, также как и склонение к самоубийству, может совершаться исключительно с прямым умыслом и специальной целью: в первом случае выраженной в совершении исполнителем преступления, во втором случае – в совершении потерпевшим суицида [13; 14].

Обсуждение субъективных признаков доведения до самоубийства всегда вызывало ожесточенные споры. Одни ученые допускают возможность только неосторожного совершения преступления (Н.А. Сафонова, Ю.А. Уколова), другие – лишь с косвенным умыслом (С.В. Бородин), третьи – с любым видом умысла (А.И. Коробеев, Р.З. Авакян, Д.И. Эльмурзаев), четвертые утверждают, что доведение до самоубийства может быть совершено и умышленно, и неосторожно (А.Н. Попов, В.Ф. Караулов, Э.Ф. Побегайло).

На сегодняшний день весомым аргументом, свидетельствующим о возможности совершения доведения до самоубийства с умыслом, в том числе, с прямым, является введение законодателем в 2017 г. в статью 110 УК РФ квалифицирующих признаков, связанных с «заведомостью» и групповым характером посягательства, предполагающих существование у виновного желания наступления общественно опасных последствий. В целом аналогичной позиции придерживаются суды, заключая, что в соответствии с законом уголовной ответственности за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее преступление с прямым или косвенным умыслом. Виновный в таких случаях осознает, что указанным в законе способом принуждает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность лишения им себя жизни и желает (прямой умысел) или сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично (косвенный умысел). Подобная мотивировка встречается не только в широко известном деле Кузина, рассмотренном Президиумом Московского городского суда в 2002 г., но и в иных судебных решениях [15; 16].

Признавая умышленный характер доведения до самоубийства, суды, как правило, категорично отрицают возможность его совершения по неосторожности. Весьма показательным в этом отношении постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл. Так, Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ. Постановляя приговор, суд первой инстанции сослался на то, что подсудимый систематически

наносил побои Б., унижал ее человеческое достоинство, жестоко обращался с ней, чем создал тяжелую жизненную ситуацию, которая в представлении Б. была безысходной. В результате Б. поднялась на чердак своего дома, взяла веревку и попыталась повеситься. Однако под тяжестью веса веревка не выдержала и развязалась. Судом было признано, что указанное преступление совершено виновным в форме неосторожности, поскольку Г. не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть. Выводы суда первой инстанции были поддержаны судом кассационной инстанции.

Президиум, отменяя приговор, указал, что диспозиция статьи 110 УК РФ не содержит специального указания о неосторожной форме вины совершения данного преступления. Следовательно, в силу части 2 статьи 24 УК РФ, исключается уголовная ответственность лица, совершившего по неосторожности доведение другого лица до самоубийства либо же до покушения на самоубийство. С учетом изложенного, ответственности по статье 110 УК РФ подлежит лицо, совершившее данное преступление с прямым или косвенным умыслом [17].

На наш взгляд, такая позиция представляется достаточно спорной. Рассуждая о возможности неосторожного доведения до самоубийства, следует руководствоваться частью 2 статьи 24 УК РФ, в соответствии с которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Примечательно, но неоднозначная трактовка именно этой нормы и обуславливает дискуссию о форме вины в составе доведения до самоубийства. Дело в том, что отдельные специалисты, основываясь, по-видимому, на предыдущей редакции части 2 статьи 24 УК РФ (действующей до 1998 г.), настаивают на возможности совершения преступления по неосторожности лишь при прямом упоминании этой формы вины в диспозиции уголовно-правовой нормы [18].

Не углубляясь в суть спора, отметим, что точка в вопросе толкования части 2 статьи 24 УК РФ была поставлена Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пункте 4 постановления от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Согласно указанному разъяснению, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава. Таким образом, следует признать, что преступление, предусмотренное частью 1 статьи 110 УК РФ, может быть совершено с неосторожной формой вины, несмотря на отсутствие указания на это в самой статье. Как следует из вышеприведенного примера судебной практики, ситуации неосторожного доведения до самоубийства являются вполне реальными и, что немаловажно, обладают достаточной степенью общественной опасности, чтобы влечь наступление уголовной ответственности.

Обобщение изложенного приводит к выводу о возможности совершения доведения до самоубийства, как с прямым, так и с косвенным умыслом, как по легкомыслию, так и в результате небрежности. При этом цель лишения потерпевшим себя жизни характерна лишь для прямого умысла. В таких случаях деяние для субъекта преступления является не самоцелью, а способом достижения конечного результата в виде причинения суицидентом себе смерти. При неосторожном доведении до самоубийства, как и при совершении этого преступления с косвенным умыслом, постановка виновным указанной цели исключается.

Завершая исследование субъективных признаков преступлений, предусмотренных статьями 110 и 110¹ УК РФ, следует заключить, что рассматриваемые составы предполагают различное психическое отношение виновного к совершаемому деянию: при склонении к самоубийству субъект обязательно действует с прямым умыслом, преследуя при этом цель причинения потерпевшим себе смерти, в то время как доведение до самоубийства совершается с любой формой вины и только в исключительных случаях – с целью лишения потерпевшим себя жизни.

4. Помимо субъективных особенностей, специфика склонения к самоубийству проявляется в сути совершаемых действий, их внешнем выражении и восприятии их потерпевшим.

Как ранее отмечалось, смысл слова «склонение» заключается в убеждении в необходимости совершения какого-либо поступка. Это означает, что склонение к самоубийству предполагает осуществление, прежде всего, открытых действий, направленных на формирование у потерпевшего желания совершить самоубийство. Для склоняемого в таких случаях очевиден суицидально-побуждающий смысл оказываемого на него давления. Другими словами, желание свести счеты с жизнью возникает у суицидента в результате прямого и непосредственного информирования со стороны виновного о необходимости или возможности совершения самоубийства. Об этом же свидетельствуют предусмотренные законодателем в части 1 статьи 110¹ УК РФ способы склонения, в частности, уговоры, предложение, подкуп, предполагающие открытое сообщение жертве идеи о совершении суицида. Заметим, что указанное сообщение не исключает возможности одновременного применения к потерпевшему с целью склонения его к самоубийству насильственных методов воздействия, упомянутых законодателем в части 1 статьи 110 УК РФ (угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства).

Сущность же доведения до самоубийства находит выражение в сугубо косвенном воздействии на сознание будущего суицидента. В отличие от склонения к самоубийству, при доведении до него виновный прямо не сообщает о суицидальном исходе, как и не совершает он никаких иных действий, непосредственно направленных на внушение потерпевшему идеи покончить с собой. Под влиянием гнетущей обстановки, психотравмирующей ситуации, продолжающихся истязаний и унижений жертва самостоятельно приходит к мысли о самоубийстве и реализует ее.

Обоснованность приведенных доводов подтверждается правоприменительной практикой, имевшей место до введения в УК РФ статьи 110¹ УК РФ. В условиях отсутствия уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за склонение человека к самоубийству, следственные и судебные органы были вынуждены оценивать соответствующие деяние в качестве доведения до самоубийства, конструируя подчас немислимые квалификационные формулы, чтобы отразить через них факт открытого принуждения к суициду. Показательно в этом плане уголовное дело, возбужденное Следственным комитетом России в 2016 году по части 4 статьи 33 и статьи 110 УК РФ (подстрекательство к доведению до самоубийства) в связи с деятельностью закрытых групп во «ВКонтакте», администраторы которых откровенно склоняли детей к самоубийству [19]. Представители уголовно-правовой науки, критически оценивая это решение и подобную практику в целом, справедливо обращали внимание на целесообразность установления уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства [20; 21].

Подводя итог проведенному исследованию, следует заключить, что традиционный подход, согласно которому склонение к совершению самоубийства разграничивается с доведением до него по перечисленным в статьях 110 и 110¹ УК РФ способам совершения преступлений, не соответствует положениям уголовного закона и потребностям правоприменительной практики. Во-первых, такой подход не учитывает, что негативный признак склонения к совершению самоубийства – отсутствие признаков доведения до самоубийства распространяется на деяние в целом, а не только на способ его совершения. Во-вторых, он не позволяет признать уголовно-наказуемым открытое склонение к самоубийству, совершенное с применением насильственных методов воздействия (угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства).

Представляется, что рассматриваемые деяния необходимо разграничивать, прежде всего, по их направленности и внешнему проявлению: склонение к самоубийству предполагает осуществление действий, с очевидностью направленных на формирование у потерпевшего желания совершить самоубийство, тогда как доведение до самоубийства выражается в косвенном воздействии на сознание жертвы, исключая открытое сообщение ему идеи о совершении суицида. Поэтому предложения, требования и уговоры о необходимости покончить с собой, сопровождаемые угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства, следует квалифицировать как склонение к самоубийству по части 1 или 3 статьи 110¹ УК РФ; результативное склонение, в ходе которого применялись эти же методы – по части 4, 5 или 6 статьи 110¹ УК РФ.

Литература

1. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению

убийств и самоубийств // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № С. 196–215.

2. Аवेशникова А.А. Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству // *Российский следователь*. 2019. № 1. С. 34.

3. Артамонова М.А. Некоторые проблемы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2017. № 3 (77). С. 65.

4. Байрамкулов А.М., Ковлагина Д.А. О некоторых проблемах определения общественной опасности преступления, предусмотренного статьей 110¹ УК РФ // *Пробелы в российском законодательстве*. 2017. № 6. С. 21.

5. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общей редакцией О.С. Катинус; науч. ред. В.В. Меркурьев. – Москва: Проспект, 2018. С. 387.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 221.

7. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 156.

8. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М.: Зерцало, 2013. С. 163.

9. Рарог А.М. Квалификация преступлений по субъективным признакам. М.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 86, 98-99.

10. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 238.

11. Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // *Советское государство и право*. 1965. № 6. С. 27.

12. Усачева М. Н. Значения предлогов «по» и «к» в русском языке: кодирование сирконстантов и семантических ролей // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»* (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). С. 499–503.

13. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2000. С. 27, 28.

14. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 66.

15. Постановление Президиума Московского городского суда от 04.04.2002 по делу Кузина // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2003. № 4. С. 17–18

16. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 17.12.2008 // *Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (четвертый квартал 2008 г. (19) (утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 18.02.2009)*.

17. Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 16.08.2013 № 44-У-43.

18. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3. под ред. д.ю.н., проф. Г.Н. Борзенкова и к.ю.н., проф. В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 147–148.

19. Электронный ресурс: URL: <http://spb.sledcom.ru/Novosti/item/1040786/> (дата обращения: 09.06.2019).

20. Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36–48.

21. Мелешко Д.А. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства лица, находящегося в беспомощном состоянии // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4 (54). С. 126–129.

Literature

1. Krukovsky V.E., Mosechkin I.N. *Criminal Legal Problems of Counteracting Activities Aimed at Encouraging Murder and Suicide*//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. №. Page 196-215.

2. Aveshnikov A.A. *On Criminal Responsibility for Inducing Minors to Suicide*//Russian Investigator. 2019. No. 1. Page 34.

3. Artamonov M.A. *Some problems of qualification of bringing to suicide and inducing to commit suicide*//Journal of the Ufsk Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. № 3 (77). Page 65.

4. Bairamkulov A.M., Kovlagina D.A. *On some problems of determining the public danger of the crime provided for in Article 1101 of the Criminal Code of the Russian Federation*//Gaps in the Russian legislation. 2017. No. 6. Page 21.

5. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation/University of the Prosecutor 's Office of the Russian Federation; Edited by O.S. Kapinus; науч. Ed. V.V. Merkuriev. - Moscow: Prospect, 2018. p. 387.*

6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *The interpreted dictionary of the Russian language. M, 1999. PAGE 221.*

7. Lopatin V.V., Lopatin L.E. *Russian interpreted dictionary. M.: Eksmo, 2007. p. 156.*

8. Borsenkov G.N. *Crimes against life and health: law and law enforcement practice. Moscow: Zerzalo, 2013. p. 163.*

9. Rarog A.M. *Classification of crimes on subjective grounds. M.: Law Center Press, 2003. p. 86, 98-99.*

10. Utevsky B.S. *Vina in Soviet criminal law. M, 1950. PAGE 238.*

11. Nikiforov B.S. *On intent under the current legislation*//Soviet state and law. 1965. No. 6. Page 27.

12. Usacheva M. N. *Values of pretexts "by" and "by" in Russian: coding sirconstants and semantic roles*//Computer linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the annual International Conference "Dialogue 2009" (Bekasovo, May 27-31, 2009). Issue. 8 (15). Page 499-503.

13. Galiakbarov R. R. *Fight against group crimes. Qualification issues. Krasnodar: Kuban State. Agrarian un-t, 2000. p. 27, 28.*

14. Kozlov A.P. *Complicity: traditions and reality. SPb.: Law Center Press, 2001. p. 66.*

15. *The resolution of Presidium of the Moscow City Court of 04.04.2002 on business the Cousin*//the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. No. 4. Page 17-18

16. *Determination of the Judicial Board on Criminal Cases of the Sverdlovsk Regional Court dated 17.12.2008//Bulletin of Judicial Practice in Criminal Cases of the Sverdlovsk Regional Court (fourth quarter of 2008 (19)) Resolution of the Presidium of the Sverdlovsk Regional Court dated 18.02.2009).*

17. *Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Mari El dated 16.08.2013 № 44-Y-43.*

18. *Course of criminal law. Special part. Volume 3 under Ed. D.Y., Prof. G.N. Borzenkova and K.Y.N., Prof. V.S. Komarova. M, 2002. PAGE 147-148.*

19. *Electronic resource: URL: <http://spb.sledcom.ru/Novosti/item/1040786/> (date of appeal: 09.06.2019).*

20. *Krylova N.E. "Groups of death" and teenage suicide: criminal aspects//Criminal law. 2016. No. 4. Page 36-48.*

21. *Meleshko D.A. Criminal legal assessment of bringing to suicide a person in a helpless state//Journal of the Academy of the General Prosecutor 's Office of the Russian Federation. 2016. № 4 (54). Page 126-129.*